

фактов о войне, сколько на осмыслении ими событий, которые привели к войне, влиянии военных действий и пропаганды на сознание и судьбы людей, последствий войны и ее значения для всего человечества. Такой подход отвечает манифесту самой организации «ЕВРО-КЛИО», в котором отмечено, что исторические события должны исследоваться историками с разных точек зрения, чтобы по возможности достигнуть объективности в их рассмотрении. Это тем более актуально в ситуации, когда в центре внимания — события войны. Каким образом их оценивать? Исходя из позиции «победители — побежденные» или мнения, что война в конечном итоге — это поражение для всех народов?

По результатам проверки работ участников членами жюри награды распределились следующим образом: золотая медаль — Ауридас Литвинас (Литва); серебряная медаль — Лулу Шрам (Нидерланды), Евгений Коновалов (Украина); бронзовая медаль — Александра Ткаченко (Беларусь), Йонас Пипирас (Литва), Бруно Дипрам (Нидерланды). Еще восемь учеников были отмечены похвальными отзывами. На торжественной церемонии награждения победителей 30 августа 2014 г. все участники первой международной олимпиады высказали пожелание, чтобы подобное состязание стало традиционным и проводилось каждый год в разных странах подобно международным олимпиадам по другим учебным предметам, которые существуют уже на протяжении десятилетий.

Максимчик Андрей Николаевич

Минский филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (Минск, Беларусь)

ЭВАКУАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ИЗ ТИФЛИСА В 1915 г.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

События Первой мировой войны принесли странам-участницам не только колоссальные людские потери и разрушения, но и негативно отразились на сохранности памятников истории и культуры, хранящихся в архивных и музейных учреждениях. «Крылом» этой войны был накрыт и Кавказский регион.

20 октября 1914 г. в результате нападений германо-турецкого флота на ряд городов Черноморского побережья России (Феодосия, Сева-

стополь, Новороссийск, Одесса) император Николай II обнародовал Высочайший манифест об объявлении войны Турции [6, с. 20]. До этого момента Кавказский военный округ с первых дней войны России с Германией являлся «донором» людских и материальных ресурсов для ведения военных действий на западном фронте, что давало численное преимущество противнику на образовавшемся театре военных действий. В сложившейся ситуации открытие на Южном Кавказе российско-турецкого фронта кардинально изменило жизнь в регионе, что накладывало свой отпечаток на деятельность учреждений, обеспечивавших сбор и хранение культурно-исторических ценностей общекавказского масштаба. Центром их сосредоточения являлся г. Тифлис, где располагались Архив Главного управления наместника на Кавказе и Кавказский военно-исторический музей.

Благоприятно развивавшиеся для Кавказской армии военные действия на новом участке фронта в конце ноября 1914 г. стали для нее значительно ухудшаться. Перейдя турецкую границу и развернув наступление в полосе до 350 км, Сарыкамышский отряд Кавказской армии, вклинившись вглубь территории противника, натолкнулся на сопротивление превосходящих его сил и вынужден был перейти к обороне. В то же время турецкие войска на приморском направлении вторглись на российскую территорию и развернули широкое наступление, вскоре принявшее угрожающий характер. Начальник императорской дворцовой охраны генерал-майор А.И. Спиридович, находившийся в это время в Тифлисе, в своих воспоминаниях писал: «Вечером [26 ноября 1914 г.] князь [Владимир Николаевич] Орлов уже подробно знал, насколько растерялся в те дни войны помощник наместника по военной части генерал [Александр Захарьевич] Мышлаевский. Командуя фронтом, он сидел в Тифлисе и доказывал наместнику необходимость эвакуации Тифлиса. Такое паникерство не соответствовало ни положению на фронте, ни героическому настроению войск. Но Мышлаевский был в панике. Наместник не разделял мнения своего помощника и оставался спокоен... Приезд государя [Николая II в Тифлис 28 ноября] и его спокойствие отрезвили Мышлаевского. Ему были даны соответствующие инструкции, и он поневоле вынужден был ехать на фронт» [9, с. 38].

Однако отъезд А.З. Мышлаевского на фронт и его руководство действиями армии было непродуктивным и недолгим. В момент наивысшего кризиса Сарыкамышской операции для Кавказской армии, грозившего ее окружением, генерал, не веря в успех войск, выехал обратно в Тифлис. По возвращению в город он провел пресс-

конференцию для высших гражданских и военных чинов об угрожающем состоянии фронта. Это привело к панике и дезорганизации в тылу российских войск [1, с. 150]. Уже не первый раз А.З. Мышлаевский всячески пытался убедить городские власти в необходимости начала эвакуации из Тифлиса, поскольку считал, что город может быть захвачен турками и подвержен разграблению [5, с. 78]. По этому поводу командир конвоя наместника Кавказа Н.А. Бигаев писал: «Наша армия была почти окружена турецким Наполеоном Энвер-пашой. Создалась паника. Эту панику прежде всего создали высшие чины штаба действующей Кавказской армии... Тифлис затрепетал от страха. Армяне бросились восвояси. Жены штабистов упаковывали имущество, загрохотали по улицам грузовики. Словом, получился встревоженный муравейник» [2, с. 418].

Такая паникерская оценка ситуации на российско-турецком фронте, охватившая всю военную командную вертикаль в округе, привела к тому, что 18 декабря 1914 г. генерал-майор Ф.Т. Рябинкин вынужден был обратиться с докладом на имя Главнокомандующего Кавказской армией И.И. Воронцова-Дашкова: «Ввиду создавшегося крайне неблагоприятного положения на театре военных действий и непосредственной близости города Тифлиса от угрожаемого турками района не признаете ли, Ваше Сиятельство, необходимым приказать приступить к обсуждению порядка эвакуации из города Тифлиса всех учреждений, чтобы вслед за сим по получении от Вашего Сиятельства приказа — приступить немедленно к таковой» [8, л. 6]. По итогам доклада последовала утвердительная резолюция наместника: «Приступить к частичной эвакуации теперь уже по очереди, которые укажут помощники по военной и гражданской части». В числе планируемых к эвакуации учреждений оказались и вышеупомянутые архив и музей.

Уже вечером того же дня в штаб округа был вызван директор военно-исторического музея С.С. Эсадзе, которому ввиду значительной ценности музейных экспонатов было приказано приступить к подготовке их эвакуации. Согласно секретному рапорту С.С. Эсадзе на имя Ф.Т. Рябинкина от 18 декабря 1914 г., на момент эвакуации музея в нем находилось 1060 предметов: «больших картин — 25, малых картин — 120, портретов царских — 15, портретов деятелей — 146, манекенов — 30, витрин — 37, остальных предметов — 687» [8, л. 2—2об.]. Кроме того, в военно-историческом отделе (начальником которого он являлся) находился архив с 25 тыс. дел, который также решено было эвакуировать. 20 декабря 1914 г. генерал Ф.Т. Рябинкин сообщил директору музея о том, что пунктом эвакуации назначен г. Ставрополь [8, л. 7]. 20 января

1915 г. музейные коллекции были погружены на железнодорожные платформы и в сопровождении конвоя отправлены в пункт эвакуации. Аналогичные мероприятия были проведены и с архивом заместителя, который включал в себя дела 45 различных государственных ведомств за период с 1795 по 1910 гг. В численном выражении он составлял более 350 тыс. дел, которые были упакованы в 9863 упаковок. Вместе с ними книг и законов более чем 5 тыс. экземпляров (2752 упаковки). Для вывоза всех этих материалов понадобились 2008 мешков и 27 ящиков. Кроме этого были вывезены канцелярские дела в 100 больших упаковках и ящиках, планшеты межевого отдела (11 упаковок, 34 ящика) и «Акты», изданные Кавказской археографической комиссией (11 ящиков) [4, с. 273]. Местом временного хранения архива был назначен Екатеринодар.

При этом важно подчеркнуть, что проведение эвакуации культурно-исторических ценностей в январе 1915 г. проходило в условиях, когда российско-турецкий фронт стабилизировался в результате успешного исхода Сарыкамышской операции (декабрь 1914 — январь 1915) под руководством генерала Н.Н. Юденича. Тифлису ничего не угрожало.

По прибытию имущества данных учреждений в пункт эвакуации оказалось, что помещение для их хранения не соответствовало необходимым требованиям. Редактор военно-исторического отдела капитан А.А. Смирнский в докладе С.С. Эсадзе от 24 февраля 1915 г. описывал место хранения музейных коллекций следующим образом: «Осмотрев помещение, я увидел, что стены, на которых раньше были видны большие сырые пятна, побелены, для сокрытия последних и для осушки помещения стоят мангалы. Кроме сырости, помещение не было пригодно для имущества музея уже по одному тому, что вряд ли можно было в нем разместить все имущество, раскладывая ящики до потолка (что, собственно, делать было нельзя, опасаясь порчи имущества). Кроме того, совершенно отсутствовало помещение для зрителя, который должен был помещаться при имуществе» [8, л. 50]. Несмотря на это, имущество музея было размещено в целом ряде помещений: в доме известного ставропольского купца Венецианова на Николаевском проспекте, в одной из комнат и подвалах «Байгеровской» аптеки и подвалах дома Ерганжиева. Судя по найденным документам, имущество музея хранилось в них до мая 1918 г., когда после требования штаба Красной Армии освободить помещение дома Венецианова оно было перевезено в здание Ставропольского центрального народного музея им. Г.К. Праве [7, л. 4]. Не менее «комфортные» условия были созданы и для архива. Уполномоченный наркомпроса Грузии по реэвакуации

имущества профессор С.Н. Какабадзе в своем отчете отмечал, что многие документы оказались поврежденными, а частью — уничтоженными в годы Гражданской войны на Северном Кавказе. С болью в сердце он писал следующее: «...большую часть архива Наместника бросили в подвалах... которые стали в прямом смысле могилой для этого архива... на одном месте с потолка стекала туалетная вода и всякие фекалии... этот архив погиб почти полностью» [4, с. 274—275].

Только в феврале 1923 г. всё уцелевшее имущество музея и архива было реэвакуировано обратно в Тифлис под руководством профессора С.Н. Какабадзе [4, с. 280]. Однако революционные события и гражданская война на Кавказе не позволили восстановить музей. В его пустующем здании в 1920 г. власти демократической Грузии приняли решение основать Национальную художественную галерею [10, с. 140], а сами коллекции по их возвращении оказались невостребованными, и все ящики с экспонатами были переданы на хранение в Центрархив. Кроме этого с 1925 г. руководством Грузии стала поощряться передача коллекций бывшего музея в другие музейные собрания (Баку, Махачкала, Грозный, Краснодар). Там же в Центрархиве благополучно разместились незначительный процент уцелевших документов бывшего архива наместника.

Так, в результате недооценки стратегической ситуации на российско-турецком фронте музей перестал существовать, архив лишился ценных и уникальных документов, а история Кавказского региона получила незаполняемые пробелы в своем прошлом.

Библиографический список

1. Арутюнян, А.О. Кавказский фронт. 1914—1917 / А.О. Арутюнян. — Ереван: Айастан, 1971. — 415 с.
2. Бигаев, Н.А. Последние наместники Кавказа (в свете личных воспоминаний) (1902—1917) / публ. М.В. Сидоровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: альм. — М., 2003. — Вып. 12. — С. 402—449.
3. Воробьев, Т.И. «...Печальное состояние Кавказского военно-исторического музея»: Гибель «Храма Славы» / публ. Г.И. Герасимовой // Вестн. Музей-панорамы «Бородинская битва»: [обзоры музейн. коллекций, ст., публ.]. — М., 2006. — Вып. 3. — С. 111—141.
4. Доклад уполномоченного народного комиссариата просвещения Грузии С.Н. Какабадзе на имя Наркома просвещения Грузии о выполнении работы по реэвакуации с территории Северного Кавказа в Грузию архивов и музейных ценностей в 1923 г. // Ист. вестн. — 1924. — Кн. 1. — С. 273—281.

5. Корсун, Н.Г. Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914—1915 году / Н.Г. Корсун. — М. : Гос. воен. изд-во наркомата обороны Союза ССР, 1937. — 161 с.
6. Масловский, Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914—1917 г. — Париж: La Renaissance, 1933. — 502 с.
7. Музейно-архивные листки, отчеты, проекты и положение по охране памятников искусства страны // Государственный архив Ставропольского края. — Фонд р-645. — Оп. 1. — Д. 10.
8. Об эвакуации военно-исторического музея и центрального архива при военно-историческом отделе // ЦГИА Грузии. — Фонд 1087. — Оп. 1. — Д. 212.
9. Спиридович, А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Мемуары. — Минск: Харвест, 2004. — 719 с.
10. Тифлис и его окрестности : Путеводитель / Сост. турист. отд. географ. о-ва Грузии; под. ред. И.А. Асланишвили. — Тифлис: Церкумси, 1925. — 360 с.

Мязга Мікалай Мікалаевіч

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны (Гомель, Беларусь)

**ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЯ ВАЙНА 1919—1920 ГГ.
У КАНТЭКСЦЕ СТАНАЎЛЕННЯ ВЕРСАЛЬСКОЙ
СІСТЭМЫ МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІН**

Адным з найважнейшых наступстваў Першай сусветнай вайны для міжнароднай сітуацыі ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе стала аднаўленне незалежнасці Польскай дзяржавы. Яе станаўленне па часе супала з фарміраваннем Версальскай сістэмы міжнародных адносін. У ходзе гэтага працэсу адным з найбольш важных было пытанне аб усталяванні новых граніц у Еўропе. Асабліваю вастрыню яно набыло ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, дзе распад трох імперый прывёў да карэнных тэрытарыяльных змен. Для адноўленай Польшчы пытанне аб граніцах было надзвычай актуальным. Польская палітычная эліта яшчэ ў час Першай сусветнай вайны намеціла контуры вырашэння пытання аб будучай граніцы сваёй краіны. Адзін з першых дакументаў, у якім былі сфармуляваны тэрытарыяльныя прэтэнзіі маючай адраджэнца Польшчы, — дэкларацыя Р. Дмоўскага да міністра замежных спраў Англіі А. Бальфура ад 30 сакавіка 1917 г. Ён прапанаваў правесці